

ПСИХОЛОГИЯ PSYCHOLOGY

УДК 159.9.01

DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-2-0-11

Майданский А.Д.

Эволюция психики: аффект и разум

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия,
Институт философии Российской академии наук,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия
caute@yandex.ru

*Статья поступила 14 апреля 2022; принята 10 июня 2022;
опубликована 30 июня 2022*

Аннотация. *Введение.* Коллизия аффекта и разума определяет ход эволюции человеческой психики и задает систему координат развития личности. На протяжении всей жизни каждому человеку приходится примирять свои желания с требованиями разума. *Цель:* исследование развития психики в аспекте взаимосвязи аффективных и интеллектуальных форм предметной деятельности. *Методология и методы:* принцип деятельности и культурно-исторический подход. *Результаты исследования.* Работа начинается с выяснения роли аффектов в процессах общения, где психике противостоит другая психика: происходит обмен аффективными сигналами, волны аффектов сталкиваются, образуют ассоциации и т.д. В простейшем случае аффективно-выразительная реакция живого тела А служит сигналом к действию тела В. Регулярный обмен аффектами согласует деятельность тел А и В так, что они образуют единый организм или сообщество. Высшей, универсальной психической формой общения становится речь, позволяющая выразить любой аффект и образовать сколь угодно сложные сообщества при помощи стереотипных сигналов. Природная речь представляет собой эмоциональное «заражение» (Выготский), обеспечивающее координацию действий членов сообщества. Человеческий язык знаков, в том числе и словесный, возникает благодаря слиянию процессов мышления и речевого общения – синтезу аффектов с понятиями. Выготский установил, что в поведении животных и поначалу у детей мышление и речь «совершенно разрушают» друг друга; у человека культурного мышление становится неотделимо от речи. В статье дано объяснение этой трансформации на основе понимания мышления и речи как противоположных форм предметной деятельности. Аффективная речь превращается в разумную, языковую, по мере усвоения индивидом идей-значений, воплощенных в предметах культуры. Такое усвоение совершается в ходе совместно-разделенной деятельности с этими предметами. Понятие представляет собой интериоризованную идею вещи. Выготский справедливо видел в понятиях «ключ ко всему истинно человеческому» и источник нашей свободы, трактуемой как «аффект в понятии». Вслед за Спинозой и Выготским, автор статьи рассматривает аффект

и понятие как две координатных оси человеческой психики и связывает перспективу развития культурно-исторической психологии с исследованием конкретных форм синтеза аффекта и понятия в истории культуры и в процессе формирования психики ребенка.

Ключевые слова: аффект; разум; общение; эмоция; значение; знак; понятие; свобода

Информация для цитирования: Майданский А.Д. Эволюция психики: аффект и разум // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т.8. №2. С. 120-133. DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-2-0-11.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда (РНФ), проект № 20-18-00028 «Культурно-историческая психология в архивах ее творцов».

A.D. Maidansky

The evolution of the psyche: affect and intellect

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy Str., 308015, Belgorod, Russia;
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
bld.1, 12 Goncharnaya Str., 109240, Moscow, Russia
caute@yandex.ru

*Received on April 14, 2022; accepted on June 10, 2022;
published on June 30, 2022*

Abstract. *Introduction.* Collision of affect and intellect determines the course of human psychic evolution and sets a system of coordinates for personality development. Throughout life, every person has to reconcile his or her desires with the requirements of reason. *Objective:* to study the development of the psyche from the perspective of the relationship between affective and intellectual forms of object-oriented activity. *Methodology and methods:* the principle of activity and the cultural-historical approach. *Results of the research.* The study starts with finding out the role of affects in the communication processes, where the psyche deals with another psyche: they are exchanging affective signals, the affective waves collide and form associations, etc. In the simplest case, the affective and expressive reaction of a living body *A* serves as a signal for action of a body *B*. The regular exchange of affects coordinates the activity of bodies *A* and *B* in such a way that they form a single organism or community. The highest, universal psychic form of communication is speech, which allows us to express any affect and to form complex communities with the help of stereotypical signals. Natural speech is an emotional “contagion” (Vygotsky) that ensures coordination between community members. Human sign language, including the verbal one, emerges from the fusion of thought and language processes – the synthesis of affects with concepts. Vygotsky established that in the behaviour of animals, and first in children too, thinking and speech “completely destroy” each other, while in cultural person, thinking becomes inseparable from speech. In the article, this transformation is explained based on understanding of thinking and speech as the contrary forms of object-oriented activity. Affective speech turns into rational language as the individual

assimilates ideas and meanings embodied in cultural artefacts. This assimilation takes place in the course of jointly-divided activity with the artefacts. Concept is an internalised idea of a thing. Vygotsky rightly saw concepts as “the key to all genuinely human” and the source of our freedom, interpreted as “the affect in the concept”. Following Spinoza and Vygotsky, the author considers the affect and the concept as two coordinate axes of the human psyche, and cultural-historical psychology should study the concrete forms of synthesizing the affect with the concept in cultural history and in the process of forming the child’s psyche.

Keywords: affect; intellect; communication; emotion; meaning; sign; concept; freedom

Information for citation: A.D. Maidansky (2022), “The evolution of the psyche: affect and intellect”, Research Result. Pedagogy and Psychology of Education, 8 (2), 120-133, DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-2-0-11.

Financing: The research was financially supported by the Russian Science Foundation (RSPF), Project № 20-18-00028 “Cultural-Historical Psychology in the Archives of its Creators”.

Ничто великое в мире
не совершалось без страсти.

Гегель

Введение (Introduction). В предыдущей статье (Майданский, 2021) мы проследили начальные фазы развития психики из аффективного состояния тела, возникающего вследствие обратного влияния предметной деятельности на своего субъекта. Аффект определяется, по Спинозе, как возмущение в состоянии действующего тела, увеличивающее или уменьшающее способность этого тела к действию, его деятельный потенциал (*agendi potentia*). Последний включает в себя, наряду с энергетическими ресурсами, весь ассортимент схем деятельности, которую тело способно осуществлять.

Такое, сугубо деятельностное понимание аффекта охватывает намного более широкий круг явлений, нежели общепринятые понятия аффекта (эмоции, страсти) как душевного переживания или функции нервной системы. Выготский прямо противопоставлял спинозовское понятие аффекта «традиционной и органической теориям эмоций», в коих он видел продукты полураспада Декартова учения о «страстях души». В предложенную Спинозой дефиницию аффекта впи-

сываются, например, состояния одноклеточных организмов, влияющие на их способность действовать, хотя о нервной системе или переживаниях в данном случае говорить не приходится.

Аффект – а с ним и психика вообще – возникает в завершающей фазе предметной деятельности, когда та рикошетом вернулась к субъекту; для следующего, нового цикла деятельности аффект служит отправным пунктом. Отражаясь в аффективном состоянии тела, первичный импульс деятельности – влечение, «нужда» – получает форму потребности в конкретном предмете. В отношении к этому предмету и внешнему миру вообще аффект выступает как образ восприятия. Так поначалу «слепая» деятельность обретает *цель*, превращаясь в целесообразную. Каждый последующий цикл деятельности начинается с аффекта (желания, содержащего в себе образ желаемого, либо «удивления», ориентировочной реакции на новый раздражитель) и заканчивается аффектом (удовольствия или недовольства). Омега сделалась альфой. Потребность тела выражается сначала в психической, аффективно-эмоциональной форме, а уже затем – в форме внешнего движения тела. В конечном счете, многократно повторенное действие запечатлева-

ется в нервной ткани тела в виде рефлекторной дуги. Аффекты передают эстафету деятельности рефлексам.

Структура развитой, психически оформленной деятельности такова: *потребность – аффект – действие – рефлекс*.

Аффект ориентирует действие и регулирует его энергетику, в то время как предмет диктует конкретную схему действия или же открывает выбор из нескольких разных схем. В последнем случае, в ситуации выбора, дело решается опять-таки аффектом. Так продолжалось до тех пор, пока человек не изобрел культурные инструменты выбора – от простого жребия до моральных норм поведения. Но и эти искусственные «стимулы-средства» (говоря языком Выготского) отнюдь не свели на нет доминацию аффектов в принятии сложных решений, как каждый знает из личного опыта.

Сентенцию Гегеля можно расширить: ничто *новое* в мире не совершалось без страсти. Увеличивающий способность тела к действию, активный аффект – катализатор саморазвития, совершенствования форм жизни и специфически психологический компонент жизнедеятельности, в том числе человеческой. «Эмоции были бы не нужны, если бы они были не активны», – писал молодой Выготский. Они рождались «из самых сложных и ярких движений» и служили «организаторами поведения в самые трудные, роковые и ответственные минуты жизни на высших точках жизни, когда организм торжествовал над средой или приближался к гибели... И переход к психическому типу поведения, несомненно, возник на основе эмоций» (Выготский, 1996: 101).

Аффекты – это стволовые клеточки психики.

Меж тем в ходе эволюции, уже у высших животных, предметная деятельность обретает неаффективные формы – становится *интеллектуальной, разумной*. Противоречивые взаимоотношения аффекта и интеллекта, условия и способы их синтеза в человеческой жизни – в поведении и сознании ребенка, прежде всего, – были главной темой исследований «позднего» Выготского. При этом сам

он отмечал, что держит курс на «маяк Спинозы». В его любимой книге, спиновской «Этике», разумное овладение аффектами именовалось «свободой, или блаженством души». В том же направлении, но своей тропой, двинемся и мы.

Основная часть (Main Part). I. Генезис психологической формы общения.

В ходе предметной деятельности живые существа неизбежно вступают в контакт друг с другом. Общение есть процесс столкновения и взаимной координации их действий. Предметом психологии общение становится постольку, поскольку в нем участвуют аффекты. Здесь они взаимно отражаются друг в друге, мутируя и вступая в цепные реакции. Мир общения – это «рынок» аффектов. Обмен аффектами происходит между особями внутри любого сообщества, а также – между разными сообществами, имеющими общие предметы деятельности.

В простом процессе предметной деятельности психика, как совокупный поток аффектов, имела дело с «немыми» предметами потребления, физически данными телами. В процессе общения ей противостоит *иная психика*, и обе они зеркально отражаются одна в другой; это – интерпсихическая реакция, со своими особыми формами протекания. У психики появляется своя, «внутренняя» жизнь наряду с функцией обслуживания внешней предметной деятельности (образующей первооснову любых, сколь угодно сложных и развитых форм психической жизни). На базисе предметной деятельности общение создает психологическую надстройку, где волны аффектов интерферируют, усиливая или гася одна другую, и образуют разнообразные ассоциации. В самой чистой форме эти интерпсихические процессы выступают перед нами в *игре*.

Акт обмена аффектами возможен при двух условиях: изменение состояния и деятельного потенциала живого тела (i) как-либо проявляется внешне, в отношении к другому (экспрессия, эмоционально-выразительная реакция), и (ii) отвечает жизненной

потребности другого тела, а потому воспринимается им как стимул к ответному действию.

Проследим, в самых общих чертах, эволюцию форм аффективного обмена в процессах общения.

1.1. Простая форма общения.

В простейшем случае между телами *A* и *B* происходит обмен прямыми физическими воздействиями, вызывающий коррелятивные изменения деятельного потенциала обоих тел. Примерами простой формы общения могут служить схватка за жизнь или жизненные ресурсы, взаимопомощь и симбиоз, половой контакт. Такая форма общения является базовой, исторически первичной, на основе ее образуются всевозможные сообщества живых существ. Высшие формы общения лишь усовершенствуют и разнообразят эту простую форму, опосредствуя перечисленные выше жизненные процессы *речевыми сигналами* и – у человека культурного – *знаками*.

Развитие *психической* формы общения начинается с элементарной, доречевой сигнализации. Соответствие или несоответствие предметной среды потребностям и наличным схемам деятельности живого существа *A* вызывает у него аффект с выразительной реакцией, воспринимаемой существом *B* как сигнал к началу собственных действий и/или изменению схем своей деятельности. Таким образом, чужой аффект в процессах общения выполняет ту же самую сигнальную функцию, что и нейтральный раздражитель в условно-рефлекторной реакции. Последняя, собственно, представляет собой не что иное, как «отпечаток» аффективных схем деятельности на нервной ткани.

Аффективные сигналы не только позволяют живому существу ориентироваться в окружающей среде¹, но и, кроме того, регулируют процессы его общения (координации действий, интеграции или, напротив, обособления) с другими существами, попадающими в сферу его предметной деятельности.

Как мы знаем, аффекты – это особые отражения деятельности на состояние своего субъекта. Отношение рефлексивности, «зеркальная» взаимосвязь отражающего и отражаемого, характеризует также и обмен аффективными сигналами. Каждая из сторон процесса общения выступает одновременно в роли рефлексирующего субъекта и предмета-рефлектора. Назовем совмещение этих двух полярно противоположных функций в одном теле *противоречием взаимной рефлексии*. Оно осуществляется и разрешается в ходе развития сигнальных форм общения.

Подобное противоречие Маркс обнаружил в простом товарном обмене. Всякий товар находится одновременно в «относительной» и «эквивалентной» формах, т.е. выражает свою стоимость в другом и служит формой выражения стоимости другого товара. Эволюция товарного обмена заключается в создании новых, все более совершенных средств осуществления и разрешения данного противоречия – вплоть до наивысшей, денежной формы. Ну а высшей психологической формой общения становится форма *языковая*.

Аналогия между деньгами и языком стала общим местом, нет смысла на ней задерживаться. Отметим лишь, что язык, как и деньги, является феноменом *идеальным*, имеющим непсихическую природу, хотя без участия психики, разумеется, невозможно ни рыночное, ни языковое общение.

В отличие от товарного обмена, в актах обмена аффектами не устанавливается отношение количественного равенства. Психологические процессы общения, даже протекающие на рынке, принципиально отличны от товарно-рыночных отношений. Аффекты обмениваются *неэквивалентно*. Это, так сказать, «коммунистический» обмен: от каждого по способности (к действию), каждому – по потребности.

Например, мать в ответ на простые природные аффекты младенца предлагает ему аффекты культурные. Благодаря такому

¹ Ориентировочная функция аффекта и его связь с рефлексом рассмотрены нами в первой статье об эволюции психики (Майданский, 2021). Там же была дана критика поня-

тия «ориентировочного рефлекса» (академик Павлов именовал его также «исследовательским» или рефлексом «что такое?»).

обмену принципы и схемы культурного поведения с течением времени «вращаются» в психику ребенка, образуя высшие психологические функции. Сформулированный Выготским «общий генетический закон культурного развития» реализуется не иначе как посредством обмена аффектами. Ни одна социальная форма деятельности не может быть усвоена, если она не вызывает аффективного отклика или же встречает эмоциональное отторжение; глубина и прочность ее усвоения прямо пропорциональна мощности вызываемого ею аффекта.

1.2. Синтетическая форма общения.

Регулярный однотипный обмен аффектами связывает живые тела в единое целое: схемы их деятельности координируются таким образом, что они превращаются в компоненты более сложного организма или сообщества (например, колонии и микробиомы, популяции и биоценозы).

Простейшую синтетическую форму общения биологи зовут «агрегацией». Наглядным примером может служить жизненный цикл миксомицета (слизевика), где амёбы образуют действующую как единое целое студенистую массу – плазмодий. Затем ее клетки дифференцируются на репродуктивные и соматические, формируются органы тела и т.д. «Активность отдельных особей в таких многоклеточных образованиях координирована... Фактически они перестают быть отдельными организмами и превращаются в специализированные *клетки* многоклеточной ткани... В процессе агрегации амёб в жизненном цикле миксомицета их свойства объединяются, изменяются и интегрируются в свойства многоклеточного организма» (Гробстайн, 1968: 89-95).

Какую роль в процессе синтетического общения играют аффекты? Отражая изменения предметных условий деятельности, они дают *сигнал* к началу синтеза. Так, в случае с миксомицетом, пока пищи вокруг достаточно, амёбы действуют каждая сама по себе. Дефицит бактерий, которыми питаются амёбы, вызывает аффективные возмущения

(прообраз чувства голода) в клетках, запускающие процесс агрегации миксомицета: амёбы начинают координировать свои действия. Уточним, что эти аффективные возмущения – не рефлекс, поскольку нервной системы у амёб нет. Рефлексы образуются позже, вследствие разделения деятельности на ориентировочную и стереотипную, с появлением нервной ткани, способной запоминать стереотипные реакции.

Аффекты являются своего рода «клеем» и ферментами в процессах синтеза как новых органических тел, так и деятельных сообществ живых существ. Сигнальный обмен аффектами обеспечивает взаимную согласованность индивидуальных действий. Как следствие, коэффициенты эффективности, сложности и разнообразия схем деятельности возрастают.

Благодаря аффективному синтезу появляются на свет более высокоразвитые организмы и сообщества; при этом субъекты общения *A* и *B* превращаются в компоненты нового органического целого *C*. В последнем *внешняя* связь *A* и *B* сменяется координацией действий *внутренних* органов *C* в процессах предметной деятельности и обмена веществ. Но как только *C*, в свою очередь, вступает в процесс общения, угасшее было противоречие немедленно оживает, и цикл повторяется на более высоком уровне.

Строение синтетической формы общения хорошо иллюстрирует образ расширяющейся спирали. Противоречие взаимной рефлексии тут не снимается, а лишь разрешается в более сложную форму своего осуществления.

1.3. Речевая форма общения.

В деятельных сообществах аффективная взаимосвязь их участников принимает форму речи. Мы называем «речевым» общение, осуществляемое при помощи однотипных эмоционально-выразительных движений, выполняющих сигнальную функцию (вокализации, жесты, мимика и пр.). Речь возникает в результате естественного отбора аффективных состояний, полезных для сооб-

щества в целом; соответствующие выразительные реакции фиксируются в виде сигнальных констант². Последние образуют *вторую* сигнальную систему; словесный язык, возникающий из слияния речевого общения с мышлением, составляет, на самом деле, *третью*.

Натуральная речь (у ребенка – гуканье, гуление, лепет и выразительные телодвижения) по природе своей аффективна на все сто процентов, в ней нет никаких понятий, ни тени разума – абсолютно ничего идеального. В одном месте Выготский ставит под сомнение применимость термина «общение» к речевым контактам такого типа: «В сущности это общение, с помощью выразительных движений, не заслуживает даже названия общения, а скорее должно быть названо *заражением*. Испуганный гусак, видящий опасность и криком поднимающий всю стаю, не столько сообщает ей о том, что он видел, а скорее заражает ее своим испугом» (Выготский, 1934: 11). Аналогии он находит у детей ясельного возраста и у больной Д.: в «свободной ситуации», оставшись одна, она «застывает, *при заражении* – действует... Можно через заражение привести к любому бессмысленному действию – *заражение вместо общения*» (Выготский, 2017: 491, 543).

Выготский подчеркивает, что речевая деятельность имеет чисто аффективную природу. Как показали исследования В. Кёлера, даже у высших приматов (в частности, шимпанзе) жесты, экспрессивные звуки и рисунки выражают лишь их внутренние состояния; они «никогда не обозначают и не описывают чего-либо объективного» и, стало быть, не являются знаками (Выготский,

1934: 79)³. При этом они выполняют вполне объективную функцию координации действий членов сообщества в сложившейся ситуации, по отношению к тем или иным условиям и предметам деятельности.

Этологи характеризуют эволюцию сигнальных форм коммуникации позвоночных животных термином «деспециализация». Наследуемые видоспецифические сигналы вытесняются гибкими сигналами *ad hoc*, каждый из которых способен вызывать весьма разные реакции и аффекты, – унификация сигналов такого типа достигается в ходе общения при помощи механизмов подражания. У гоминид речевая деспециализация является частью общего процесса их эволюции, описанного еще Э. Майром⁴, одним из создателей популяционной генетики.

Речь является универсальной психической формой общения. Она позволяет выразить какой угодно аффект (так же как деньги выражают стоимость любого товара) и синтезировать деятельные сообщества практически не ограниченной сложности.

Для всех развитых сообществ речь – это форма их *внутренней* психической жизни. Противоречие взаимной рефлексии в речевой форме общения всецело и насовсем уходит внутрь и, тем самым, снимается. Речь позволяет *свободно* обмениваться любыми аффектами. Синтезирующая функция психики достигает здесь максимально возможного в природных сообществах развития. На следующую ступень психики поднимается уже в сообществах искусственных, созданных человеческим трудом. Здесь аффекты сталкиваются с понятиями, речевая форма деятельности – с разумной. Это новое проти-

² Совокупность постоянных сигналов, любого типа, нередко именуется «языком». В нашей работе язык понимается как *культура* речи, или система знаков, имеющих культурные значения.

³ «Можно считать определенно доказанным, что *фонетика* животных всецело “субъективна” и может выражать лишь эмоции: она никогда не обозначает и не описывает объекты» (Köhler, 1927: 305). Вывод Кёлера подтверждается современной этологией, в том числе и для высших животных: «Показательно, что в ситуации опасности и тревоги (а также агрессии, полового возбуждения, и во всех остальных ситуациях) антропоиды неспособны информировать партнеров,

какая точно опасность грозит, откуда именно, и что следует делать в данной ситуации. Их жестикуляция и крики отражают лишь степень беспокойства в связи с ситуацией; ими можно возбудить аналогичные эмоции у других» (Фридман, 2013: 339).

⁴ «В чем причина этой загадочной черты гоминид – прекращения видообразования, несмотря на выдающийся эволюционный успех? Полагаю, причиной тому – огромное экологическое разнообразие человеческой жизнедеятельности. Человек, так сказать, специализировался в деспециализации» (Mayr, 1951: 116).

воречие создает и новые формы своего осуществления и разрешения. Эволюция психики вступает в фазу своей общественной истории.

II. Мышление и речь.

Вряд ли стоит труда доказывать, что мышление и речь у человека культурного слиты воедино, спаяны неразрывной связью. Труднее понять, что это – единство *противоположностей*. Для этого требуется проследить взаимоотношения мышления и речи исторически, от самого их истока.

Такое исследование, как известно, предпринял Выготский. Он, в свою очередь, опирался на труды В. Кёлера, К. Бюлера и других психологов, экспериментально доказавших, что «мышление и речь имеют генетически совершенно различные корни» (Выготский, 1934: 11). Их развитие у животных, как поначалу и у детей, идет по разным линиям. В точках, где линии мышления и речи, бывает, пересекаются, речь лишь мешает действовать разумно, если не пресекает интеллектуальные реакции на корню. «Кёлер много раз отмечает, как эмоциональная и особенно аффективная реакция совершенно разрушают интеллектуальную операцию шимпанзе», – отмечает Выготский и далее, ссылаясь на исследования «языка пчел» у К. Фриша, заключает: «Едва ли после этого можно усомниться в совершенной независимости этой речевой связи от интеллекта» (Выготский, 1934: 87).

Вывод не вполне точен. Если одна реакция *совершенно разрушает* другую, значит это реакции не просто «независимые», а взаимоисключающие, принципиально несовместимые. Напрашивается вопрос: почему? Что именно мешает аффектам и речи мириться с начатками разума – интеллектом? Реакции «генетически совершенно разные» – к примеру, дыхательные, иммунные и речевые – превосходно уживаются вместе, ничуть не мешая друг другу. Так отчего же враждуют мышление и речь, понятия и эмоции, здравый рассудок и «страсти души»? Чем объясняется *перманентный конфликт* интеллектуальных и аффективных форм деятельности в животном мире, а зачастую и у

людей? Выготский этот вопрос не решил, да в сущности и не поставил.

Интеллект и аффект являются, как сказал бы Спиноза, «модусами» одной и той же «субстанции» – предметной деятельности, фаустовского Дела с большой буквы. Интеллект представляет собой форму деятельности, направленной во внешний мир, а не на своего субъекта, как аффект. Интеллект и аффект *противоположны по вектору*. Интеллект ориентирует деятельность на объективные причинно-следственные связи вещей; аффект отражает пространственно-временные связи и свойства вещей в «зеркале» действующего тела, более или менее мутном и кривом. Неудивительно, что прямое совмещение этих форм деятельности оказывается разрушительным для одной из сторон либо для процесса деятельности в целом.

Рассмотрим ближе разумное поведение животных, с тем чтобы понять, как становится возможным синтез противоположностей – деятельное сотрудничество интеллекта с аффектом.

«Разумными» мы называем действия по логике вещей, в соответствии с их устройством и каузальными связями. Необходимыми предпосылками разумной деятельности служат чувственные восприятия и аффект желания, но специфическая ее особенность в том, что способ деятельности диктуется объективными факторами, природой предмета, а не аффективным состоянием собственного тела субъекта. По Кёлеру, интеллект есть «усмотрение» (Einsicht) отношений между вещами – в частности, между палкой и плодом в оптическом поле у шимпанзе.

Выготский критикует трактовку Кёлером орудийных действий животных как функции зрительного поля с его гештальтами. «Психологи стремятся интеллект вывести из восприятия отношений (Köhler и обезьяны), а мы – восприятие из интеллекта» (Выготский, 2017: 224). Безусловно, разумное поведение зависит от структуры зрительного поля; у животных такое поведение возникает вследствие развития инстинктивно

осуществляемой деятельности, как «интеллектуальная вариация инстинкта» (Выготский). Но эта вариация – аномальная. Сущность разумной деятельности заключается в том, что *отличает* ее от типично инстинктивного поведения, а именно – в ориентации на объективную каузальную связь цели и средства (орудия) деятельности. Такое средство есть нечто большее, нежели нейтральный раздражитель в структуре условного рефлекса или релизер инстинктивной реакции. Нахождение и использование орудия, подходящего для решения возникшей проблемы, порождает принципиально новую схему действий.

А.В. Запорожец и А.Н. Леонтьев усмотрели отличительный признак интеллектуальной деятельности животных в «двухактной», или «двухфазной», структуре действия. К примеру, сначала требуется достать или изготовить орудие, а затем использовать его для достижения желаемой цели.

«Интеллектуальное действие даже в простейших случаях двухактное в том смысле, что одно действие служит целью для другого» (Запорожец 1986: 188). «Прежде слитая в единый процесс деятельность дифференцируется теперь на две фазы: фазу подготовки и фазу осуществления. Наличие фазы подготовки и составляет характерную черту интеллектуального поведения. Интеллект возникает, следовательно, впервые там, где возникает процесс подготовки возможности осуществить ту или иную операцию или навык» (Леонтьев, 1959: 191). Интеллектуальная операция предвывает и готовит практическое решение задачи.

Таким образом, возникновение интеллекта знаменует собой новую ступень эволюционного процесса дифференциации деятельности, вслед за ее разделением на ориентировочную и стереотипную, осуществляемую при помощи психики либо рефлексов.

По природе своей интеллект, разум столь же мало является деятельностью *психической*, как и человеческий труд (ведущий свою родословную от орудийной деятельно-

сти приматов). Исследование природы разума и его идей, понятий – родное занятие философской теории познания. Психологию же и разум, и труд интересуют лишь постольку, поскольку в процессах разумной и трудовой деятельности участвует психика, и в той мере, в какой эта деятельность отражается на состоянии субъекта и его деятельном потенциале, в первую очередь – в плане взаимоотношений понятий разума и аффектов, связи мышления с общением, речью.

Как мы знаем, первичным их отношением была полная несовместимость в одном и том же процессе деятельности. Предстоит выяснить, как это противоречие разрешается у человека. В терминах Выготского проблему можно сформулировать конкретнее: как разумная форма внешней предметной деятельности вращивается внутрь психики, становясь *психологической* функцией – мышлением в собственном смысле слова? При этом мышление не просто образует одну из функций, но насквозь пронизывает собой, пропитывает своими идеями «материю» психической жизни, постепенно – в той или иной мере – подчиняя себе все прочие психические (аффективные) функции, начиная с восприятия и памяти и заканчивая речью. Аффективная речь превращается в разумную, языковую, и то же самое происходит со всеми и каждой формой общения, вплоть до игры.

III. Знак и понятие.

Мы проследили метаморфоз аффекта до того момента, когда противоречие общения разрешилось в форме речи. Дальнейшее развитие формы общения совершается уже в лоне трудовой деятельности, в процессе человеческого труда. Особенность его состоит в том, что схемы деятельности воплощаются, помимо нервной ткани с ее рефlekсами, сверх того, еще и в материале внешней природы. Труд создает мир «артефактов», во круг которого выстраиваются отношения общения, завязываются все специфически человеческие, общественные связи.

К обмену прямыми действиями и аффективными сигналами добавляется обмен

идеями и вещами, созданными трудом. Автохтонам души, аффектам, приходится потесниться и во многом покориться идеям, этим пришлым варягам культуры.

Воплощаясь в природном материале, разумная форма деятельности образует *значение* вещи. Идеальное значение обретает всякая вещь, сделавшаяся предметом разумной деятельности людей, – от куска дерева или камня до звездного неба над головой. В дальнейшем эти значения сбрасывают с себя натуральную, «вещную» оболочку, получая взамен искусственную – символическую, или языковую.

Знаки языка замещают реальные вещи в процессах общения точно так же, как денежные знаки замещают холст, хлеб и иные «потребительные стоимости» в ходе развития товарного обмена. Человек превращается в *animal symbolicum*. Если с помощью орудий труда он овладевает внешней природой, то посредством знаков человек преобразует самого себя и свои отношения с другими людьми. «Знак... есть средство психологического воздействия на поведение – чужое или свое, средство внутренней деятельности, направленной на овладение самим человеком» (Выготский, 2005: 297).

В психологическом плане общество представляет собой сеть предметно-знаковых отношений общения⁵. Устройство этой сети позволяет индивиду вступать в деятельную связь не только с «ближними», но и с «дальними», даже давно умершими людьми, – со всеми, кто оставил свой предметный след в общественной жизни. Нитями знаков культура связывает всех живущих и когда-либо живших на свете людей в единое целое. Всякая «высшая» (= культурная) психологическая связь между людьми, включая и внутренний диалог личности с собой, осуществляется посредством знаков. Человеческое сознание обменивает образы чувств и идеи на знаки – фонемы, числа, ноты и пр., – и наоборот.

Упрекать Выготского в «знакоцентристском подходе» (Брушлинский, Поликарпов, 1999: 13) – это все равно, что упрек-

нуть математика в «числоцентристском подходе». Он видел в знаке орудие овладения собственным поведением и психологическими функциями – орудие власти человека над самим собой. С помощью знаков люди перестраивают и подчиняют себе природную психику. Как не сделаешь лодку без топора, так не создашь ни одного понятия или хотя бы общего представления без помощи знаков, – а тот, у кого понятие есть, не смог бы поделиться им с другими.

Знамкам и значениям по праву принадлежит центральное место в процессах человеческого общения и мышления. Однажды возникнув, знаки начинают жить собственной жизнью, образуя многообразные языки культуры. В системах знаков кристаллизована история развития человеческой психики с каменного века и по сей день.

И в истории человечества, и в ходе развития личности знаковая, культурная форма регуляции поведения внедряется и все глубже врастает в нашу природную психику. Понятием знаков «дикие» аффекты усмиряются и подчиняются человеческой воле, подобно диким зверям и растениям. Шекспир и Станиславский проделали со «страстями души», в сущности, то же самое, что Бербанк и Мичурин – с картофелем и яблоками.

Предметы и характер культурных эмоций принципиально иные по сравнению с натуральными. Только человеку доступны чистые, бескорыстные радости и аффекты, говорил Фейербах. Животное воспринимает лишь нужные ему для жизни лучи солнца, человека волнует и «равнодушное сияние отдаленнейших звезд».

Высшие, идеальные аффекты не объяснишь из биологической эволюции тела. Такой аффект представляет собой реакцию на *общественное значение* вещей и поступков. Смех и стыд, зависть и совесть, скупость и благородство – все это аффективные силы культуры, посредством которых в поведении человека осуществляются общественные мотивы и цели. С помощью подобного рода искусственных эмоций общество прорастает

⁵ Подробнее об этом см.: Майданский, 2011.

внутри индивидуальной психики и формирует там микросоциум *личности*. При этом естественные потребности и желания осуществляются в диктуемых общественной жизнью формах, а отчасти и подавляются культурными аффектами.

Значение есть не что иное, как идея, разумная схема действия, проникшая в аффективную сферу общения, речи, и превратившаяся в форму культурного поведения. Значение делает мышление речевым, а общение – разумным. «В значении единство речи и мышления – *логос*, в старом смысле этого слова» (Выготский, 2017: 344). Обретя логос, психические функции стали *психологическими*.

Выготский писал, в основном, о значениях *слов*, про значение как «единицу речевого мышления», – хотя однажды в записной книжке назвал значение и «единицей игры»⁶. Но ведь культурные значения имеются не только в словесно-речевом мышлении. Предметно-практическое мышление, развившееся из орудийной деятельности антропоидов, исторически предшествовало языковому, и резонно предположить, что первые значения должны быть не словесными, а *предметными*. Это хорошо видно в психологическом развитии слепоглухого ребенка, на первых порах лишенного доступа к слову⁷.

Значения отливаются в знаки, выражаются в слове, но прежде они должны возникнуть как таковые в ходе действий с реальными вещами. Это значения вещей и поступков выражаются в знаках, а не наоборот. Вместе с тем знак не просто средство выражения значений, он еще и *орудие* мышления и общения. Выготский и его сотрудники продемонстрировали орудийную функцию знака в опытах по «двойной стимуляции» запоминания (Леонтьев) и формирования понятий (по методике Выготского-Сахарова).

Выяснилось, что интеграция знаков в структуру натуральных психических функций, начиная с элементарного восприятия, резко увеличивает их мощь, а главное – делает эти функции *управляемыми*. Посредством знаков разум, в меру своих сил, укрощает аффекты и даже искусственно вызывает потребные человеку и обществу «страсти души».

Интеллектуальные действия животных всегда сугубо индивидуальны и практически не совместимы с процессами общения. У детей поначалу дело обстоит так же: разумное действие требует сосредоточения на предмете, чему мешает общение с присущей ему игрой аффектов. Ситуация меняется, когда ребенок приступает к деятельному овладению предметами культуры, начиная с самых простых – ложки, одежды, мыла. Их идеальные значения усваиваются не иначе как в процессе общения с другими людьми, конкретнее – в процессе *совместно-разделенной деятельности*. Начатое взрослым действие продолжает ребенок; со временем схема действия осваивается, и ребенок научается выполнять все действие целиком. «*Действие, ранее разделенное между двумя людьми, становится способом организации психической деятельности...* Именно такое действие является моделью любого сложного психического акта ребенка» (Лурия 1970: 52). У взрослых, в любой сфере культуры, дело обстоит ровно так же.

Так устроено и человеческое мышление. Каждая наша мысль продолжает какие-то мысли других людей, вырастает из чужой мысли и опирается на нее в новых своих шагах. Мышление всегда есть *совместное* действие, *разделенное* между людьми. В этой связи часто говорят о «диалогическом» характере мышления или о его общественно-исторической природе.

⁶ «Значение = единица речевого мышления, единица игры» (Выготский, 2017: 455).

⁷ Руководитель Загорского эксперимента А.И. Мещеряков говорил, что психическое развитие слепоглухого ребенка начинается с поиска *предмета*, вызывающего у него «интерес», т.е. аффект с устойчивой ориентировочной реакцией.

«Как только педагог обнаруживает щель в сплошной плетине безразличия, он все усилия устремляет в эту щель. Вокруг этого предмета... формируется целая деятельность, возникают жесты, которые обозначают и этот предмет и связанные с этим предметом другие вещи... Потом словесный язык тоже привязывается к этому предмету» (Мещеряков, 1969: 8).

Совместно-разделенное действие есть способ организации всякой специфически человеческой деятельности, не только психической. Это высшая эволюционная ступень дифференциации деятельности: действие распределяется между двумя и более субъектами, связанными через посредство знаков и предметов культуры.

Акт восприятия культурных схем деятельности в процессе предметно-знакового общения с другими людьми – *понимание* – служит для индивида пропуском в человеческий мир, превращает его индивидуальную жизнь в частицу (или, если угодно, волну) общественной жизни. Усвоенная, «интериоризованная» идея зовется *понятием*. Это и есть первичная «клеточка» специфически человеческой психики. «Понятие = ключ ко всему человеческому – истинно-человеческому: восприятию действительности, самосознанию личности... В понятии уже заключена вся свобода, как в клеточке весь организм» (Выготский, 2017: 175).

Метаморфоз форм интеллектуальной деятельности у человека таков: *идея – значение – понятие*. Предмет культуры становится перекрестком дорог мышления и общения; в нем опредмечены как идеи, понятия, так и общественные отношения, и образы, и аффекты. В создающем такие предметы процессе труда природная вражда мышления с речью сменяется их культурным сотрудничеством.

Заключение (Conclusions). Понятие и аффект – две оси на координатной плоскости человеческой психики. Каждое движение нашей души можно изобразить как перемену значений аффективного «икса» и понятийного «игрека».

Назовем это *спинозовой системой координат* в науке о душе. Спиноза первым исследовал коллизию понятия и аффекта. «Если у Декарта проблема страстей выступает, прежде всего, как проблема физиологическая и проблема взаимодействия души и тела, то у Спинозы эта же проблема выступает с самого начала как проблема отношения мышления и аффекта, понятия и страсти. Это в полном смысле слова другая сторона

луны, которая остается невидимой на всем протяжении учения Декарта» (Выготский, 1984: 166-167).

Столкновение аффектов с понятиями – это такая психологическая проблема, которую практически ежедневно решает каждый из нас, и от этих решений зависит весь строй и ход нашей жизни. Детские игры и сказки, а затем искусство учат нас ставить свои желания и эмоции под контроль разума – воспитывают «культуру чувств». Ту же самую проблему решает и «культурная психология» Выготского, только научными средствами. Уже в «Психологии искусства» выясняются условия и формы протекания управляемого взрыва аффектов – «эстетической реакции».

Подчинить своей разумной воле аффекты, по Спинозе, значит сделаться человеком свободным. «Свобода: аффект в понятии», – резюмирует Выготский (2017: 256). Однажды в психологическом развитии ребенка наступает прекрасный момент, когда разум и страсти, мышление и речь, забыв былую вражду, заключают союз: «облако мысли» изливается «дождем слов» и, наоборот, аффект отливается в форму понятия, превращаясь в управляемую эмоцию. Это – момент истины: ребенок впервые обрел свободу.

Наука о восхождении человека к свободе в записных книжках Выготского именуется «вершинной» или «акмеистической» психологией. Изложить ее он не успел, оставил лишь беглые наброски и план «книги моей жизни». Со своей стороны, мы рассмотрели коллизию аффектов и понятий под углом зрения предметной деятельности, образующей общую им субстанцию. Следующим шагом, полагаем, должно стать исследование конкретных форм единства аффекта и понятия в историческом развитии культуры и в процессе формирования психики ребенка.

Список литературы

Брушлинский А.В., Поликарпов В.А. Мышление и общение. 2-е, доп. изд. Самара: Самарский Дом печати, 1999. 128 с.

Выготский Л.С. Записные книжки. Избранное. М.: Канон+, 2017. 607 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 324.

Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 536 с.

Выготский Л.С. Психология развития ребенка. М.: Смысл, Эксмо, 2005. С. 208-547.

Выготский Л.С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. С. 90-318.

Гробстайн К. Стратегия жизни. М.: Мир, 1968. 144 с.

Запорожец А.В. Действие и интеллект // Запорожец А.В. Избранные психологические труды: в 2 т. Т. I. М.: Педагогика, 1986. С. 177-190.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во АПН, 1959. 495 с.

Лурия А.Р. Мозг человека и психические процессы: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1970. 496 с.

Майданский А.Д. Понятие личности в культурно-исторической психологии // Свободная мысль. 2011. № 10. С. 77-92.

Майданский А.Д. Эволюция психики: предметная деятельность и аффект // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. Т. 7. № 3. С. 68-81.

Мещеряков А.И. Формирование психики у слепоглухонемых: Стенограмма заседания Президиума Академии наук СССР 27 июля 1969 года. URL: <http://vygotsky.tk/files/meshapn.pdf> (дата обращения: 10.03.2022). 14 с.

Фридман В.С. От стимула к символу: сигналы в коммуникации позвоночных. М.: URSS Либроком, 2013. Ч. 2. 424 с.

Köhler W. The mentality of apes. London: Routledge & Kegan Paul, 1927. 336 p.

Mayr E. Taxonomic categories in fossil hominids, in: Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology, 1951, vol. 15, P. 109-118.

References

Brushlinsky, A.V. and Polikarpov, V.A. (1999), *Myshlenie i obshchenie* [Thinking and communication], 2nd ed., Samarskiy Dom pechati, Samara, Russia.

Vygotsky, L.S. (2017), *Zapisnye knizhki. Izbrannoe* [Notebooks. A selection], Kanon+, Moscow, Russia.

Vygotsky, L.S. (1934), *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Sotsekgiz, Moscow, Lenonrad, Russia.

Vygotsky, L.S. (1996), *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology], Pedagogika-Press, Moscow, Russia.

Vygotsky, L.S. (2005), *Psikhologiya razvitiya rebenka* [Psychology of child development], Smysl, Eksmo, Moscow, Russia.

Vygotsky, L.S. (1984), "Uchenie ob emotsiyakh. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie [The teaching about emotions. Historical-psychological studies], *Sobranie sochineniy*, vol. 6, Pedagogika, Moscow, Russia.

Grobstein, C. (1968), *Strategiya zhizni* [The strategy of life], Mir, Moscow, Russia.

Zaporozhets A.V. (1986), "Deystvie i intellekt" [Action and intellect], *Izbrannye psikhologicheskie trudy*, vol. I, Pedagogika, Moscow, Russia.

Leontiev, A.N. (1959), *Problemy razvitiya psikhiki* [Mental development problems], Izd-vo APN, Moscow, Russia.

Luria, A.R. (1970), *Mozg cheloveka i psikhicheskie protsessy* [The human brain and mental processes], vol. 2, Pedagogika, Moscow, Russia.

Maidansky, A.D. (2011), "The concept of personality in cultural-historical psychology", *Svobodnaya mysl'*, 10, 77–92.

Maidansky, A.D. (2021), "The evolution of the psyche: object-oriented activity and affect", *Nauchnyy rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*, 7 (3), 68-81.

Meshcheryakov, A.I. (1969), *Formirovanie psikhiki u slepoglukhonemykh: Stenogramma zasedaniya Prezidiuma Akademii nauk SSSR 27 iyulya 1969 goda* [Mental formation in the deaf-blind. Transcript of the meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences, 27 July 1969], available at: <http://vygotsky.tk/files/meshapn.pdf> (Accessed 10 March 2022).

Fridman, V.S. (2013), *Ot stimula k simvolu: signaly v kommunikatsii pozvonochnykh* [From stimulus to symbol: signals in vertebrate communication], Part 2, URSS Librokom, Moscow, Russia.

Köhler, W. (1927), *The mentality of apes*. London: Routledge & Kegan Paul.

Mayr, E. (1951), "Taxonomic categories in fossil hominids", *Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology*, 15, 109-118.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interests to declare.

Данные автора:

Майданский Андрей Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; ассоциированный научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук.

About the author:

Andrey D. Maidansky, Dr. phil., Professor, Professor at the Department of Philosophy, Belgorod State National Research University; Associate Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.